

Секция «Цифровые технологии как фактор трансформации общественно-политического устройства в современных государствах»

О некоторых политико-правовых проблемах гражданской самоорганизации с помощью цифровых технологий

Научный руководитель – Кочетков Александр Павлович

Белουσое Григорий Федорович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра российской политики, Москва, Россия

E-mail: gregory_belousov@mail.ru

На современном этапе утверждения о том, что цифровые технологии являются ключом к демократизации и оптимизации системы государственного управления, давно стали общим местом. Некоторые исследователи даже говорят о появлении принципиально нового типа политической элиты - нетократии [1]. Тем не менее, в этой области всё ещё существует множество проблем (зачастую достаточно тривиальных) требующих специального рассмотрения. На наш взгляд, двумя ключевыми проблемами являются проблема формально-правовой неопределённости статуса институтов гражданского общества и проблема неоднозначности индикаторов его состояния:

1. В нашем законодательстве нет даже примерного определения того, что из себя представляет гражданское общество. Отдельные определения, указывающие на то, как власть концептуализирует гражданское общество, можно найти, к примеру, в п. 1 ст. 2 ФЗ "О НКО", ст. 5 ФЗ "Об общественных объединениях" и ст. 2 ФЗ "Об основах общественного контроля". Но полноценного концептуального описания нет ни в Конституции, ни в таких законах как закон "О некоммерческих организациях", "Об общественной палате", "О порядке образования общественных советов", "Об основах общественного контроля", "Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания". Ясного описания гражданского общества нет ни в документах специально созданных органов - таких, как Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека - ни в документах таких ведомственных подразделений как Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации МВД России.

2. В отсутствие даже примерного определения гражданского общества нет определённости и в отношении индикаторов, по которым можно было бы судить о его состоянии.

Так, в докладе Общественной палаты за 2017 год приводятся следующие данные из реестра Минюста. В период с 2015 по конец 2017 года численность официально зарегистрированных НКО составляла около 225 тысяч организаций. Но реестр не позволяет понять, сколь много организаций снизили интенсивность своей деятельности из-за возникших трудностей, а какая доля организаций прекратила реальную деятельность.

Кроме того, многие НКО относятся к категории социально ориентированных лишь формально - для этого достаточно упоминания в уставе НКО хотя бы одного направления деятельности, признанного социально ориентированным.

Вопросы вызывает и реальная численность граждан, участвующих в деятельности социально ориентированных НКО. По данным Росстата, общая численность сотрудников таких НКО в 2014 году составляла 989 тыс. человек, в 2015 году - 991 тыс. человек, а на конец 2016 года - уже 672 тыс. человек.

В докладе Общественной палаты также напрямую утверждается, что сформировался пласт НКО, специально заточенных под участие в грантовых конкурсах и государственных проектах (они играют роль посредников по продвижению грантовой заявки). Если такие организации не являются НКО в собственном смысле слова, то по каким критериям их можно отличить от реальных НКО?

Наконец, НКО внутренне неоднородны, и у нас нет формальных оснований для их внутреннего сегментирования. Некоммерческими организациями являются и Аналитический Центр при Правительстве, и институты этнических диаспор, и районные организации, занимающиеся помощью детям или курсами компьютерной грамотности для пожилых людей.

В докладе будут представлены варианты политико-правового решения этих проблем и обозначены некоторые перспективы дальнейшего изучения обозначенной темы.

Источники и литература

- 1) Кочетков А.П. Нетократизм // Полис. Политические исследования. 2013. No 4. С. 111-121.